

РОССИЙСКО-МОНГОЛЬСКОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1920–1960-е ГОДЫ: ОСОБЕННОСТИ, КОНТЕКСТЫ, ПЕРСОНАЛИИ К 100-ЛЕТИЮ УЧЁНОГО КОМИТЕТА МОНГОЛИИ

© 2022 г. Т. И. Юсупова

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ti-yusupova@mail.ru

Поступила в редакцию 22.08.2021 г.

После доработки 24.11.2021 г.

Принята к публикации 03.12.2021 г.

В 2021 г. Россия и Монголия отметили 100-летний юбилей установления дипломатических отношений. Одновременно тот год стал юбилейным и для монгольской науки: 100 лет назад, в ноябре 1921 г., был создан Учёный комитет Монголии – первое исследовательское учреждение страны, на базе которого в 1961 г. была организована Монгольская академия наук. Российская академия наук стала первым международным партнёром Учёного комитета. С тех пор между нашими странами установились разносторонние научные контакты. Их развитие связано с созданием в 1925 г. при СНК СССР специальной Монгольской комиссии, которая в 1927 г. была включена в структуру АН СССР. До 1953 г. она координировала научное сотрудничество Учёного комитета (с 1930 г. Комитета наук) МНР и Академии наук СССР. В статье, подготовленной по результатам многолетних исследований автора, рассматриваются причины организации Монгольской комиссии, контексты, формы, характер и дисциплинарные направления российско-монгольских научных связей советского периода, с 1921 г. до 1961 г., основные участники этого процесса. Автор приходит к заключению, что научные контакты двух стран развивались на взаимовыгодных условиях, имели содержательный характер и были плодотворными для обеих сторон.

Ключевые слова: Академия наук СССР, Монгольская комиссия, Учёный комитет Монголии, научное сотрудничество, изучение Монголии, особенности и специфика научного взаимодействия.

DOI: 10.31857/S0869587322030112

Интерес российского научного сообщества к Монголии, несомненно, предопределило географическое соседство наших стран, которое сделало актуальным изучение в России языка, этнических и территориальных особенностей монгольских народов. Известный зоолог А.Я. Тугаринов

(1880–1948) отметил ещё одну важную причину этой заинтересованности: “Можно с уверенностью сказать, – писал он в 1927 г., – что изучение ряда явлений, имеющих место на территории современной Монголии, может дать ключ к пониманию многих особенностей <...> прилегающих частей Сибири <...>. А если прибавить сюда то крупное значение, которое играла территория Монголии в более отдалённые времена, то всестороннее изучение огромных монгольских пространств приобретает исключительное значение для науки” [1, с. 802].

Именно исследовательский интерес определил продолжительность и продуктивность сотрудничества, невзирая на существовавшие политико-идеологические контексты. Особенно интенсивными научные контакты были в 1920–1980-х годах, то есть в социалистический период истории двух стран, что во многом объяс-

ЮСУПОВА Татьяна Ивановна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН.

няется объективным фактором — моделью советско-монгольских отношений “старший брат — младший брат”. Но была и не менее важная субъективная причина: и тогда, и сегодня мотивацией российско-монгольского научного сотрудничества было и остаётся стремление к коллегиальному изучению проблем, связанных с Монголией, её географическими, природными и историческими особенностями.

Подробный анализ историографии российско-монгольского научного взаимодействия содержится в работе [2]. Здесь только отметим, что его библиография представлена широким спектром разноплановой литературы: статьи, аналитические обзоры, монографии (индивидуальные и коллективные), публикации архивных источников, сборники статей и материалов конференций. С каждым годом увеличивается количество совместных изданий, иллюстрирующих результаты международных научных проектов. Учитывая, что в фокусе данной статьи — взаимодействие Академии наук СССР и Учёного комитета (Комитета наук) Монголии, укажу только один из первых совместных сборников под названием “Монгольско-российское научное сотрудничество: от Учёного комитета до Академии наук” [3], в котором анализируются именно межакадемические связи. Он подготовлен Институтом истории (с 2020 г. Институт истории и этнологии) Монгольской академии наук (МАН) и Санкт-Петербургским филиалом Института истории естествознания и техники (СПбФ ИИЕТ) РАН. В книгу вошли статьи монгольских и российских исследователей, которые отражают взгляд с двух сторон на вопросы установления научных связей Учёного комитета и Академии наук и персональный вклад специалистов в этот процесс. Разные аспекты данной темы нашли отражение в серии совместных сборников Института истории МАН и Института восточных рукописей (ИВР) РАН, в публикациях журнала “Mongolica”, который издаёт ИВР РАН, в изданиях Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Института востоковедения РАН и других академических учреждений, где разрабатывается монгольская тематика.

ФОРМИРОВАНИЕ В АКАДЕМИИ НАУК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА К МОНГОЛИИ

Исследовательский интерес российских учёных к Монголии начал формироваться ещё в XVIII в., в первые годы существования Петербургской Академии наук [2, с. 13–38]. Он был обусловлен широкомасштабным изучением Сибири Второй Камчатской экспедицией 1732–1743 гг., а затем академическими экспедициями 1768–1774 гг., в ходе которых исследователи работали в пригра-

ничных с монгольскими землями областях России. В дальнейшем важным источником знаний о Монголии и её природе стали коллекции, поступавшие в академические учреждения от участников Русской духовной миссии в Пекине и руководителей хорошо известных центральноазиатских экспедиций Русского географического общества (Н.М. Пржевальского, В.И. Роборовского, П.К. Козлова и других). Базу данных активно пополняли поездки (экскурсии) в Монголию членов Западно- и Восточно-Сибирского отделов и Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Российского географического общества (РГО), тесно связанных с Академией наук. Эти коллекции способствовали появлению в России вообще и в Академии наук в частности (в Зоологическом, Ботаническом, Геологическом и минералогическом, Азиатском музеях, Музее антропологии и этнографии (Кунсткамере) и других учреждениях) специалистов разного профиля, заинтересованных в продолжении изучения Монголии, прежде всего для выявления общих закономерностей природных особенностей и историко-этнолого-лингвистических проблем народов России, этнически относящихся к монгольским народам или профессионально с ними связанным.

В первые десятилетия XX в. на смену экстенсивно-описательному изучению пришли специализированные исследования Монголии, проводившиеся учреждениями Академии наук, а также Геологическим и Минералогическим комитетами, научными обществами (Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношении Сибири, РГО) и рядом высших учебных заведений Сибири, в частности, Томским университетом, по разным отраслям знаний. На приграничных территориях в дореволюционный период работали уже известные или ставшие именитыми позже геологи В.А. Обручев, В.В. Сапожников, И.П. Рачковский и М.Ф. Нейбург, минералог А.Е. Ферсман, зоологи П.П. Сушкин и А.Я. Тугаринов, ботаник В.Л. Комаров, монголовед Б.Я. Владимирцов. Глубокий профессиональный интерес к соседней стране проявляли востоковеды В.В. Бартольд, И.Ф. Щербатской и С.Ф. Ольденбург, представители других гуманитарных научных направлений. Здесь перечислены только исследователи, которые в тот период или вскоре стали сотрудниками академических учреждений, где занимались проблемами, связанными с Монголией. Отдельно следует сказать, что в 1917 г. Геологический и минералогический музей (ГиММ) Академии наук разработал программу планомерного изучения Монголии с целью составления карты её геологического строения. Бурные революционные события 1917–1921 гг. в России и Монголии прервали её реализацию.

В ноябре 1921 г. в Москве был подписан первый в процессе формирования советско-монгольских связей международный акт – Соглашение между РСФСР и Монголией об установлении дружеских отношений. Этот политический документ позволил российским научным учреждениям вернуться к исследованиям в соседней стране. Уже осенью 1921 г. при обсуждении планов экспедиционной деятельности Академии наук ГиММ и Зоологический музей предложили совместную экспедицию под руководством авторитетного зоолога П.П. Сушкина и геолога И.П. Рачковского в Северо-Западную Монголию. По мнению Сушкина, этому научному предприятию должны были способствовать установившиеся “между монгольским и советским правительством России <...> дружественные отношения” [4, л. 141]. Ввиду идеологической значимости экспедиции была утверждена только её геологическая часть как “наш ответ” Центральноазиатской экспедиции Американского музея естественной истории под руководством Р.Ч. Эндрюса, которая работала в Монголии с 1921 г.

Возможность продолжить широкое изучение этой страны представилась только в 1925 г. К тому времени сформировались объективные и субъективные условия, которые позволили вписать научное взаимодействие Российской академии наук/Академии наук СССР и Учёного комитета Монголии в межгосударственные отношения двух стран. Определяющими факторами стали указанная выше заинтересованность российского научного сообщества в “монгольском исследовательском поле”, обращение в Академию наук Учёного комитета с предложением о сотрудничестве и политическая конъюнктура, сложившаяся на тот момент в советско-монгольских отношениях [5, 6]. Ставим эти условия именно в такой последовательности, чтобы подчеркнуть, что в случае с Монголией определяющее значение для установления научных контактов сыграла именно инициатива Академии наук СССР, реализации которой способствовали государственные внешнеполитические приоритеты.

Для понимания дальнейших событий кратко осветим историю создания Учёного комитета.

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧЁНОГО КОМИТЕТА МОНГОЛИИ

После победы в июле 1921 г. Народной революции перед новой Монголией, ещё вчера феодально-теократической страной, встали сложнейшие задачи по созданию национальных государственных институтов, в том числе научных учреждений, рассматриваемых как одно из непеременимых условий экономического развития. Первым шагом в этом направлении стало решение монгольского правительства от 9 ноября 1921 г.

создать “в целях ликвидации прежнего положения, когда Монголия была неграмотной, тёмной страной, в которой науки не изучались, а книг на монгольском языке было незначительное количество”, *Судар бичгийн хурээлэн* (Книжная палата) – в русскоязычной традиции Учёный комитет (Учком) – “для переводов самых важных иностранных книг и учебников на родной язык, просвещения народа и развития научных исследований” [цит. по: 7, с. 71]. Этим постановлением наука и образование определялись как важная часть государственной политики Монголии.

В начальный период Учком представлял собой, как писал будущий первый президент Академии наук Монголии Б. Ширендыб (1912–2001), “нечто вроде общества, правда, с отдельными функциями правительственного учреждения” [8, с. 8], имея в виду ещё неотработанную внутреннюю структуру, кадровые проблемы, весьма незначительное финансирование [2, с. 48]. Председателем Учком был избран монгольский учёный, гун (титул княжеского достоинства) О. Жамъян (1864–1930) [9], а учёным секретарём – бурят, до 1917 г. российский подданный, в 1924 г. принявший монгольское гражданство, Ц.Ж. Жамцарано (1881–1942) [10]. Эти два человека персонифицировали собой две главные задачи, стоявшие перед первым научным учреждением Монголии: сохранение и развитие традиционных монгольских знаний и классического монгольского образования и распространение в Монголии европейских знаний.

Дальнейшая конкретизация целей и задач Учёного комитета произошла во второй половине 1924 г., когда после ряда административных реформ его из Министерства просвещения перевели в непосредственное правительственное подчинение. В постановлении указывалось, что Учком должен не только стать ведущим учреждением по организации научной работы, но и проводить разностороннее изучение природных ресурсов страны, исторического прошлого Монголии и соседних стран, оказавших влияние на её культуру и религию, а также заниматься издательской деятельностью [11, с. 24].

В сентябре 1922 г. О. Жамъян и Ц.Ж. Жамцарано обратились к С.Ф. Ольденбургу с официальным письмом, в котором просили Академию наук СССР рассмотреть возможность предоставления Учёному комитету научно-методической и кадровой помощи. В тот период из-за сложного политико-экономического положения в стране и внутренних трудностей самой Академии наук Ольденбург не мог оказать широкую поддержку. Небольшая помощь заключалась в книгообмене, который в первую очередь был необходим Азиатскому музею, и нечастых командировках студентов-востоковедов Ленинградского института жи-

вых восточных языков (ЛИЖВЯ) [12], “чтобы они вошли в живую связь с народом, который они будут изучать” [13, с. 287].

Как отмечалось выше, с 1924 г. в число первоочередных задач Учкома входило всестороннее изучение страны. Весьма скромные финансовые возможности, слабая материальная база, острый недостаток специалистов не позволяли ему в полной мере развернуть эту работу. Понимая, что собственными силами данную задачу не решить, Ц.Ж. Жамцарано активно инициировал международные связи. Следует отметить, что комитет не рассматривал российский комитет как единственное. Однако его контактам препятствовала неопределённость международного статуса Монголии, провозглашённая независимость которой была признана только советской Россией. В глазах остального мирового сообщества страна до 1946 г. оставалась автономной частью Китая. Но и в этих условиях представители национал-демократических сил монгольского правительства в период правого курса в политической истории Монголии (1925–1928 гг.) пытались развивать торговые, технические и научные связи с Германией, Францией и Америкой.

Тем не менее основные надежды на помощь и поддержку Ц.Ж. Жамцарано возлагал на Академию наук СССР. Во многом это определялось не только политическим весом Советского Союза в Монголии, но и тесными дружескими отношениями, которые связывали учёного секретаря Учкома с непререкаемым секретарём РАН С.Ф. Ольденбургом. Знакомство завязалось в годы учёбы юного бурята в Санкт-Петербургском университете в начале XX в. Сергей Фёдорович, по мнению академика В.М. Алексеева, воспитал Жамцарано научно, подготовил “очень сильного и серьёзного научного деятеля” [14, с. 15]. Личные контакты Ольденбурга и Жамцарано имели определяющее значение для становления научного взаимодействия Учёного комитета с Академией наук. Их объединяло сходное понимание значения и места науки в государственном строительстве, целей и задач сотрудничества, его принципов, основанных на взаимном уважении и заинтересованности в совместной деятельности.

Обсуждение текущих вопросов сотрудничества проходило в переписке двух учёных. Одним из важнейших для нашего сюжета стало письмо Ц.Ж. Жамцарано от 2 октября 1924 г., в котором он изложил свой взгляд на характер помощи со стороны Академии наук [15, л. 69–72]. Жамцарано просил командировать специалистов в различных областях знаний на летний экспедиционный сезон или на более продолжительное время и обозначил условия их пребывания в Монголии: если российские учёные будут работать на учкомовские средства, то и результаты труда, прежде все-

го собранные коллекции, следует передавать Учкому, а результаты исследований публиковать “под флагом” комитета; если речь пойдёт об экспедиции Академии наук, то они также будут обязаны оставлять часть собранных коллекций и материалов Учёному комитету для создания естественно-исторического музея, а для их вывоза получать особое разрешение от монгольского правительства. Как видим, изначально советско-монгольское научное взаимодействие формировалось с учётом интересов монгольской стороны.

СОЗДАНИЕ КОМИССИИ ПО НАУЧНОМУ ИССЛЕДОВАНИЮ МОНГОЛИИ

Следует отметить, что просьбы Ц.Ж. Жамцарано, высказанные С.Ф. Ольденбургу в октябре 1924 г., поступили вовремя: Академия наук тогда активно укрепляла своё положение ведущего научного учреждения страны. Одним из её аргументов в диалоге с властью была готовность “оказывать учёные услуги” по изучению природных ресурсов страны. Так, в 1924 г. по просьбе руководства Якутской АССР была образована Якутская комплексная экспедиция АН СССР, которая занялась научным обследованием территории республики. Примеру Якутии последовали другие советские регионы, и с этой целью в 1926 г. при Общем собрании Академии наук СССР был образован Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик (ОКИСАР).

Монголия, как подчёркивалось, была тем “исследовательским полем”, к которому Академия наук проявляла большой интерес, и в то же время — актуальным направлением внешней политики СССР. С учётом последнего обстоятельства Ольденбургу удалось организовать в январе 1925 г. обсуждение вопроса изучения Монголии во время заседания вопроса изучения Монголии во время заседания правительства Учёного комитета по заслушиванию предварительных отчётов Монголо-Тибетской экспедиции известного путешественника П.К. Козлова [2]. Выступавшие на совещании авторитетные учёные — минералог А.Е. Ферсман, почвовед Б.Б. Польшин, ботаник Н.В. Павлов, геолог И.П. Рачковский, востоковед С.Ф. Ольденбург и другие — говорили о необходимости продолжения работы российских специалистов в Монголии, мотивируя свой призыв не только научной, но и, в духе времени, экономической (для Монголии) и политической (для советской России) целесообразностью. В развернувшейся далее дискуссии А.Е. Ферсман призвал работать в Монголии “новыми методами” [16, л. 72, 73], то есть при разработке программы исследований согласовывать её с задачами, поставленными монгольским правительством перед Учёным комитетом.

Аргументы академического сообщества оказались весомыми, и Совнарком постановил организовать широкомасштабное изучение Монго-

лии. Несомненно, большую роль в принятии такого решения сыграл политический фактор. На это прямо указал управляющий делами Совнаркома Н.П. Горбунов (1892–1937), который курировал в правительстве деятельность Академии наук. Он отметил, что изучение Монголии необходимо “для закрепления дружеских отношений с монголами <...> и проникновения в Монголию нашего политического влияния” [16, л. 67].

Итогом заседания стало решение СНК СССР от 31 марта 1925 г. о создании правительственной Комиссии по научному исследованию Монголии (Монгольской комиссии – МОНК), что свидетельствовало о важной роли, которую власти отводили научному сотрудничеству в системе межгосударственных отношений двух стран. Председателем комиссии стал управляющий делами Совнаркома СССР Н.П. Горбунов, его заместителем – академик С.Ф. Ольденбург.

Почти сразу в сферу деятельности МОНК были включены Танну-Тувинская Народная Республика и Бурят-Монгольская АССР, поэтому с конца 1925 г. её стали называть Комиссией по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР. Однако чаще использовалось сокращенное название – Монгольская комиссия, поскольку работы в указанных республиках так и не были развёрнуты. С 1928 г. это название стало официальным, что полностью отражало территориальную направленность деятельности МОНК.

Первые результаты работы комиссии были опубликованы уже в 1926 г. в учреждённом МОНК издании – сборнике “Северная Монголия”. В предисловии к нему её руководители объяснили создание комиссии тем, что “до сих пор Монголия является страной во многих отношениях мало обследованной и что изучение её природы и её производительных сил является своего рода долгом СССР, ближайшего соседа Монголии, располагающего необходимыми для такого изучения силами и средствами” [17, с. 3]. Хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что это “долженствование” не определялось директивами сверху, а было инициировано Академией наук, заинтересованной в исследовании Монголии для решения научных задач.

МОНГОЛЬСКАЯ КОМИССИЯ В СТРУКТУРЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Около двух лет Монгольская комиссия работала при правительстве, а в начале 1927 г. была переведена в структуру Академии наук СССР, где функционировала до 1953 г. Таким образом, можно сказать, что академия получила государственный заказ на изучение Монголии (иными словами, финансирование одного из международных

направлений своей деятельности), который она выполняла в тесном сотрудничестве с Учкомом.

В структуре АН СССР Монгольская комиссия работала, как сказано в отчёте, “в непосредственной связи”, но на “особых основаниях” с ОКИСАР [18, с. XV, 236]. “Особые основания” были продиктованы зарубежным направлением её деятельности, так как в состав ОКИСАР входили комиссии по изучению только советских республик. В 1928 г. Особый комитет был реорганизован в Комиссию экспедиционных исследований (КЭИ), куда вошла и МОНК. В 1930 г. произошли очередные изменения в структуре Академии наук, и Монгольскую комиссию из КЭИ перевели в непосредственное подчинение Общему собранию АН СССР, в таком статусе она существовала до 1941 г. с небольшим перерывом в 1934–1936 гг., когда работала при Отделении математических и естественных наук. С 1941 по 1946 г. Монгольская комиссия выполняла свою миссию при Президиуме АН СССР, а в последние годы, с 1946 по 1953 г., находилась при Отделении геолого-географических наук.

Комиссию возглавляли академики С.Ф. Ольденбург (1927–1929), В.Л. Комаров (1930–1945) и В.А. Обручев (1946–1953). В её состав в разные годы входили ведущие российские учёные: монголоеды Б.Я. Владимирцов, В.А. Казакевич, С.А. Козин и Ц.Ж. Жамцарано (после переезда в Ленинград в 1932 г.), археологи Г.И. Боровка и С.А. Теплоухов, ботаники В.Л. Комаров и Е.М. Лавренко, зоологи А.Я. Тугаринов и Е.В. Козлова, географы Ю.М. Шокальский, П.К. Козлов и Э.М. Мурзаев, геологи В.А. Обручев и И.П. Рачковский, лингвист Н.Н. Поппе, минералог А.Н. Ферсман, палеонтолог А.А. Борисьяк, почвовед Б.Б. Полюнов и многие другие. Членами комиссии были также представители Учкома: его председатели А. Амар, Л. Дэндэв и Б. Жаргалсайхан, в послевоенный период её работы – Б. Ширендыб.

Основной формой деятельности Монгольской комиссии стали экспедиционные исследования, среди которых наиболее тесные и продолжительные контакты с монгольскими коллегами сложились в области археологии, биологии, геологии, истории и источниковедения, лингвистики, палеонтологии и этнографии.

В довоенный период комиссия организовала более 40 экспедиций, в работе которых приняли участие около 60 исследователей из Азиатского, Ботанического, Зоологического, Геологического, Минералогического музеев (с 1930 г. – институты) Академии наук, Почвенного института и других учреждений [19, с. 222–245]. Их научные программы всегда согласовывались с Учёным комитетом. Кроме того, комиссия направляла в Учком по его просьбе российских исследователей

и поддерживала их работу в Монголии. Так, в 1920–1930-е годы при Учёном комитете работали востоковеды М.И. Клягина-Кондратьева (1896–1971), М.И. Тубянский (1893–1937), П.И. Воробьёв (1892–1937), в 1940–1944-е годы – географ Э.Н. Мурзаев (1900–1998) и другие.

Экспедиции Академии наук по договорённости с Учкомом включали в свой состав его сотрудников, которые помогали российским специалистам, тем самым приобретая опыт полевых исследований и одновременно решая поставленные Учкомом задачи. Их работу финансировала монгольская сторона. Вклад Учёного комитета в изучение страны возрастал по мере его организационного развития и кадрового укрепления. Этот факт подтверждает переписка Монгольской комиссии с Учёным комитетом по обсуждению планов сотрудничества, хранящаяся в Архиве РАН и его Санкт-Петербургском филиале (Ф. 339).

Российские учёные работали в Монголии в очень непростых природно-климатических условиях и нередко в беспокойных и небезопасных районах. Тем не менее многие из них с теплотой вспоминали время своего пребывания в стране, её удивительную природу, искренних и гостеприимных людей. Так, 4 ноября 1926 г. будущий академик Б.Б. Полюнов в докладе на заседании Монгольской комиссии отметил, что российские исследователи “встретили сочувственное отношение со стороны монгольского правительства и всех представителей Научного комитета. Ни малейшего препятствия нам не чинили, всюду приходили на помощь, быстро разрешали все сложные вопросы. Отношение к экспедиции, к нашей Комиссии, к Академии наук самое благожелательное <...> как со стороны главы правительства, <...> так, особенно, со стороны председателя Научного комитета” [20, л. 84]. А в опубликованном позже отчёте добавил, что о пребывании в Монголии участники экспедиции сохраняют воспоминания “как о светлом времени дружной, согласной совместной работы” [21, с. 2].

В задачу статьи, ввиду ограниченности её формата, не включён анализ работы экспедиций Монгольской комиссии, их задачи и итоги. Подробно этот вопрос рассмотрен в работах [2, 18]. Здесь отметим только, что результаты практически всех проведённых исследований были опубликованы в изданиях “Северная Монголия” (Вып. 1–3. 1926–1928), “Материалы Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик и Бурят-Монгольской АССР” (Вып. 1–15. 1929–1931), “Труды Монгольской комиссии” (Вып. 1–69. 1932–1957) [2, с. 212, 221]. Последние издавались совместно с Академией наук СССР и Комитетом наук МНР. За 31 год увидели свет 87 изданий Монгольской ко-

миссии, наглядно демонстрировавшие объём проведённой работы и её основные достижения.

Взаимодействие Академии наук, от лица которой выступала Монгольская комиссия, и Учёного комитета выстраивалось с соблюдением норм международного сотрудничества в рамках межгосударственных соглашений и оформлялось договорными обязательствами о выполнении конкретных совместных проектов, вначале ежегодными, затем долгосрочными.

Отметим, что начало государственного регулирования деятельности иностранных учёных на территории Монголии было положено в сентябре 1924 г., когда по инициативе Ц.Ж. Жамцарано монгольское правительство приняло закон “Об охране памятников старины”. Этот документ ограничивал вывоз из страны научных коллекций, добытых на её территории. Начиная с 1925 г. ежегодно по прибытию в Улан-Батор один из руководителей экспедиционных отрядов по поручению Монгольской комиссии подписывал договор с Учкомом, регламентирующий работу российских учёных. Один экземпляр затем передавали в Ленинград, где он хранился в делах Монгольской комиссии, второй оставался в Монголии.

В 1929 г. в связи с расширением взаимодействия был заключён первый пятилетний договор Академии наук с Учёным комитетом о проведении в 1930–1934 гг. совместных исследований. Основанием для подписания стало межправительственное соглашение 1929 г., которым были установлены основные принципы взаимоотношений между СССР и МНР. Договор научных учреждений конкретизировал предполагаемые работы, условия их проведения и распределение добытых материалов. В число запланированных входили геологические, палеонтологические, геохимические, почвенные, гидрологические, ботанические, зоологические, археологические и этнолого-лингвистические исследования [22, с. 169–174]. Экземпляр договора Академии наук СССР на русском и монгольском языках хранится в СПбФ АРАН (Ф. 339. Оп. 1–1930. Д. 16).

Однако многое из намеченного осуществить не удалось. Подписание договора практически совпало с развёртыванием в СССР “академического дела”, в ходе которого была проведена так называемая чистка Академии наук от “враждебных элементов”. С.Ф. Ольденбург как один из её руководителей был отстранён от всех постов, в том числе председателя Монгольской комиссии. Новым руководителем МОНК в 1930 г. стал известный ботаник, специалист по флорам Монголии академик В.Л. Комаров.

Вследствие внутрипартийной борьбы сменилось и руководство Учёного комитета: в 1929 г. к власти в Монголии пришли представители лево-радикального крыла Монгольской народной пар-

тии (МНП), и Ц.Ж. Жамцарано — одного из лидеров правой, национал-демократической партийной группы — сняли с должности учёного секретаря. После смерти в 1930 г. председателя О. Жамъяна Учёный комитет возглавил отстранённый от власти бывший премьер-министр Монголии А. Амар (1886—1941). В 1932 г. его сменил историк-медиевист Л. Дэндэв (1895—1956). В.Л. Комаров не был лично знаком с ними, и контакты Монгольской комиссии и Комитета наук стали носить более официальный и формальный характер, чем при Ольденбурге и Жамцарано.

Кадровые перемены и в Академии наук, и в Учкоме свидетельствовали о значительных изменениях в отношении властей советской России и Монголии к своим ведущим научным учреждениям, что нашло отражение прежде всего в требованиях к содержанию их исследовательских программ.

СОТРУДНИЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ ИСКОРЕНЕНИЯ “АБСТРАКТНОЙ АКАДЕМИЧНОСТИ” И ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Развернувшаяся в СССР в конце 1920 — начале 1930-х годов критика научной деятельности с точки зрения марксистского принципа “практика как критерий истины” не обошла стороной и Монгольскую комиссию. Перед её руководством была поставлена задача искоренить “абстрактную академичность” в советско-монгольских научных контактах, то есть изменить содержание работ. Со своей стороны монгольское правительство также включило в сферу деятельности Учёного комитета широкий круг прикладных проблем. Таким образом, если в 1920-е годы в совместных работах МОНК и Учкома преобладали исследования гуманитарного и естественно-научного характера, то с 1930 г. началась их переориентация на решение прикладных задач, актуальных для хозяйственно-экономического развития Монголии.

Основными направлениями сотрудничества стали почвенно-агрономические, животноводческие, геологические, геохимические и гидрологические исследования. Этот поворот нашёл отражение в новом Положении о Монгольской комиссии 1930 г., целью деятельности которой определялось “содействие путём всестороннего научного исследования развитию и укреплению народного хозяйства” МНР [19, с. 119].

В 1933 г. произошло резкое сокращение научных контактов. Причиной стало обострение внутренней ситуации в Монголии: во многих районах страны в ответ на политику форсированного кооперирования аратских хозяйств, а также борьбы с ламством и монастырями вспыхнули во-

оружённые мятежи и восстания, на подавление которых были посланы войска [5]. В таких условиях советским учёным было не только трудно, но и опасно работать в стране, и Наркомат иностранных дел не разрешил научные командировки в Монголию.

К социально-политической нестабильности в Монголии прибавился экономический кризис, в результате чего Комитет наук в 1933 г. не смог выполнить свои финансовые обязательства по договору 1929 г. о совместных исследованиях. В июне 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) признало работу Академии наук в Монголии несвоевременной и нецелесообразной [23, с. 176]. Основанием для такого решения стало ухудшение положения в Дальневосточном регионе в целом. Последовавшие в 1937 г. политические репрессии ещё более обострили наметившиеся проблемы научного сотрудничества Академии наук СССР и Комитета наук МНР.

Период 1937—1939 гг. оказался самым драматичным в истории российско-монгольского научного взаимодействия. Жертвами репрессий в СССР в разные годы стали многие учёные, участвовавшие в работе Монгольской комиссии: востоковеды П.И. Воробьёв (1892—1937), В.А. Казакевич (1896—1937), М.И. Тубянский, археологи И.Г. Боровка (1894—1941), С.А. Теплоухов (1888—1934) и другие, а также её правительственный куратор Н.П. Горбунов (1892—1938), который в 1929 г. стал академиком, а в 1936 г. — неперменным секретарём Академии наук.

Трагические события разворачивались и в Монголии, где тоже начались массовые репрессии. И там не обошлось без чистки ещё только формировавшегося научного сообщества. Пересмотру подлежала вся деятельность Учкома (Комитета наук), поскольку, как отмечалось в отчётном докладе Президиума Комитета наук за 1937 г., “возглавляемый врагом народа Жамцарано, Учёный комитет почти с самого начала своего существования стал местом, где свили себе гнездо реакционные силы. <...> По линии научных исследований в целом и изучения природы в частности враги делали ставку на отвлечённую академическую науку, оторванную от жизни и насущных потребностей растущей страны, тормозя этим движение страны вперёд, отвлекая внимание, силы и средства от насущных задач времени” [24, л. 17, 18].

Ц.Ж. Жамцарано ещё в 1932 г. был вынужден уехать из Монголии в Ленинград. После обвинения в идеализации особого пути социального развития Монголии и исключения из МНП жить в Монголии ему стало опасно. С.Ф. Ольденбург оказал помощь своему ученику и другу: принял на работу в возглавляемый им Институт востоковедения АН СССР. Пять лет, проведённые в инсти-

туте, были очень продуктивными для учёного в творческом плане. Но всё оборвалось 11 августа 1937 г., когда монгольский гражданин Цыбен Жамцаранович Жамцарано был арестован в СССР по сфабрикованному обвинению и погиб в заключении.

Репрессии 1937 г. покончили с разнообразием политико-идеологических течений в Монголии. В середине 1939 г. был арестован, этапирован в Москву и в 1941 г. расстрелян вновь ставший в 1936 г. премьер-министром Монголии А. Амар, в 1930–1932 гг. возглавлявший Комитет наук. Все высшие правительственные посты в стране занял Х. Чойбалсан [25]. Он провёл ряд административных реформ, затронувших в том числе и Комитет наук. Перемены начались с отстранения от его руководства Л. Дэндэва — беспартийного представителя дореволюционного монгольского чиновничества, который возглавлял Комитет наук в 1932–1940 гг., в один из самых драматических периодов истории Монголии. В его руководстве не всё было однозначно. Тем не менее Л. Дэндэву удалось не только отстоять Комитет наук как форму организации науки в Монголии, но и расширить его деятельность, увеличить штат и бюджет [26].

На роль реформатора Комитета наук в соответствии с требованиями текущих политико-экономических задач был назначен молодой монгольский дипломат Б. Жаргалсайхан (1915–2005). С его приходом начались активные мероприятия по организационному укреплению комитета и расширению прикладных исследований, особенно связанных с животноводством — основной экономии Монголии. В новом Положении о Комитете наук от 22 ноября 1940 г. его главной задачей признавалось укрепление страны как самостоятельного национального государства, “идущего по пути некапиталистического развития на основе кровной и нерушимой дружбы с СССР” [11, с. 213–218].

Наступившая после периода политических репрессий относительная социальная стабилизация дала возможность возобновить научные контакты советских и монгольских учёных. В 1940 г. начала работу Сенокосно-пастбищная экспедиция под руководством И.А. Цаценкина, которую в ответ на просьбы Комитета наук организовал Всесоюзный научно-исследовательский институт кормов. В том же году для укрепления кадрового состава Комитета наук в Монголию были командированы географ Э.М. Мурзаев и почвовед Н.Д. Беспалов, которые провели большую работу по изучению страны и развитию собственных исследований комитета. В 1941 г. Монгольская комиссия приступила к обсуждению с монгольскими коллегами работ на новый полевой сезон и формированию экспедиционных отрядов. Но

дальнейшая деятельность в этом направлении была прервана Великой Отечественной войной.

Можно констатировать, что в 1920–1940-х годах Монгольская комиссия Академии наук СССР внесла значительный вклад в изучение природных ресурсов, истории, языка и культуры Монголии. Научные, кадровые и организационные результаты её деятельности стали фундаментом для развития научных связей СССР и Монголии в послевоенный период.

СОТРУДНИЧЕСТВО В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ 1940–1950-х ГОДОВ

После окончания Второй мировой войны важную роль в формировании тенденций научного сотрудничества российских и монгольских учёных сыграли кардинальные изменения правового положения Монголии, независимость которой была признана международным сообществом. 27 февраля 1946 г. СССР и МНР заключили Договор о дружбе и взаимопомощи и подписали Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве, которое предусматривало формирование нового договора о развитии научных связей. В сентябре 1946 г. для его подготовки в Москву прибыли председатель Комитета наук Б. Жаргалсайхан и ректор открытого в 1942 г. Монгольского государственного университета Б. Ширендыб. В проекте подготовленного ими документа указывалось, что советско-монгольское научное сотрудничество имеет целью способствовать развитию совместной научно-исследовательской деятельности Академии наук СССР и монгольских научно-исследовательских организаций, а также самостоятельных работ Академии наук на территории Монголии; оказывать монгольским научным организациям помощь в выполнении стоящих перед ними исследовательских задач и подготовке национальных научных кадров; обеспечивать обмен научной информацией Академии наук с монгольскими научными организациями. Но по невыясненным пока причинам этот договор так и не был заключён.

В то же время в конце 1948 г. президент АН СССР академик С.И. Вавилов и Б. Жаргалсайхан подписали Соглашение между Академией наук СССР и Комитетом наук МНР о совместной работе по написанию одно- и трёхтомной “Истории Монгольской Народной Республики” [27, с. 141–144]. В рамках этого проекта в 1948–1949 гг. была организована Монгольская историко-этнографическая экспедиция под руководством С.В. Киселёва (1905–1962).

Надо отметить, что ещё в 1944 г. Комитет наук обратился к академику В.Л. Комарову как президенту Академии наук СССР и председателю Мон-

гольской комиссии с просьбой возобновить прерванные войной научные контакты и вновь проводить совместное изучение страны. Эту идею поддержали многие академические учреждения. В 1946 г. на основании их заявок Монгольская комиссия разработала план, который, однако, директивные органы значительно сократили, и в итоге Совет министров СССР утвердил только Монгольскую сельскохозяйственную экспедицию (1947–1951).

В то же время академические институты начали напрямую контактировать с Комитетом наук и разрабатывать совместные проекты без посредничества Монгольской комиссии. Так, по предложению Комитета наук, прозвучавшему ещё в 1940 г., Палеонтологический институт АН СССР организовал Монгольскую палеонтологическую экспедицию, одобренную правительством, которую возглавил И.А. Ефремов (1907–1972). Работа экспедиции в 1946–1949 гг. была ознаменована сенсационными открытиями многочисленных местонахождений динозавров и других ископаемых позвоночных животных, что указывало на большие перспективы палеонтологических исследований на территории Монголии [28].

Несмотря на крупные успехи монгольских Историко-этнографической и Палеонтологической экспедиций, готовность Академии наук и Комитета наук проводить совместные работы, 6 июня 1950 г. Политбюро ЦК ВКП(б) отклонило просьбу об их продолжении [23, с. 450]. В 1951 г. завершилась миссия Монгольской сельскохозяйственной экспедиции. Резкое сокращение по воле партийного руководства деятельности Академии наук в Монголии стало следствием изменения приоритетов советской внешней политики на Востоке, где для СССР важнейшим партнёром стал Китай, что, начиная с 1950 г., нашло отражение в активном развитии советско-китайских научных контактов.

Постановлением Президиума АН СССР от 15 мая 1953 г. Монгольская комиссия была упразднена. Президент Академии наук А.Н. Несмеянов в письме к её председателю академику В.А. Обручеву объяснил это решение тем, что “Монгольская комиссия была создана в своё время для оказания помощи развитию науки молодой народной республики. В настоящее время возник ряд народно-демократических республик, и в Советском Союзе созданы соответствующие учреждения для оказания им научной и научно-технической помощи, поэтому нет необходимости иметь особую Монгольскую комиссию” [29]. Координация научных связей с Комитетом наук перешла в ведение Иностранного отдела Президиума АН СССР, и монгольское направление перестало быть обособленным в системе международной деятельности Академии наук, а Комитет

наук МНР встал в один ряд с другими международными партнёрами академии.

СОЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК МНР И НОВЫЕ ФОРМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

Во второй половине 1950-х годов взаимодействия Академии наук и Комитета наук и его организационные формы регламентировались Соглашением о культурном сотрудничестве между СССР и МНР от 24 апреля 1956 г. К сложившимся контактам прибавилась новая форма – взаимные командировки учёных по эквивалентному (безвалютному) обмену, что имело важное значение для научной кооперации двух стран вплоть до реформы РАН в 2013 г.

Ещё одним важным документом, повлиявшим на выстраивание советско-монгольских научных связей, стала декларация “Об основах развития и дальнейшего укрепления дружбы и сотрудничества между СССР и другими социалистическими странами” (октябрь 1956 г.). Она предопределила полную переориентацию советско-монгольского научного сотрудничества на исключительную паритетность. Таким переменам способствовали также успехи в научно-исследовательской деятельности и подготовке национальных научных кадров в самой Монголии.

Главная особенность работы Комитета наук в 1950-х годах – активное расширение сотрудничества с зарубежными научными сообществами и учёными прежде всего стран социалистического лагеря. Усилили внимание к Монголии и представители других европейских государств и Америки. Об этом свидетельствовал I Международный конгресс монголоведов, который прошёл в сентябре 1959 г. в Улан-Баторе. Он имел большое научное и политико-идеологическое значение, продемонстрировав успехи Монголии на пути строительства социализма при поддержке СССР. Одновременно конгресс высветил ослабление научных связей Академии наук и Комитета наук. Действительно, в начале 1950-х годов на фоне расширения контактов Академии наук с европейскими и китайскими учреждениями в советско-монгольском научном взаимодействии наблюдалась некоторая стагнация.

Этот вопрос волновал монгольских учёных, которые считали необходимым сохранить “первенствующее положение” советского монголоведения среди своих международных коопераций. Он обсуждался в ходе встречи в Москве в январе 1956 г. председателя Комитета наук Н. Жагварала (1919–1987) с президентом Академии наук академиком А.Н. Несмеяновым. Жагварал высказал пожелание вновь развернуть широкие контакты и в ближайшем будущем организовать два совместных проекта, чтобы продолжить археологические

и палеонтологические исследования, успешно начатые в Монголии экспедициями С.В. Киселёва и И.А. Ефремова.

Реализовать эти проекты по разным причинам не удалось, несмотря на проведённую большую подготовительную работу. В итоге по решению директивных органов вместо монгольской была организована Советско-китайская палеонтологическая экспедиция (1959–1960 гг.), на которую были переориентированы финансовые средства и научные кадры. К идее палеонтологической экспедиции в Монголию вернулись в 1960 г., а осуществить её смогли только в 1969 г., когда начала работать Совместная советско-монгольская палеонтологическая экспедиция [30].

Взаимодействие Академии наук и Комитета наук продолжилось по другим направлениям. В основном это были взаимные командировки по безвалютному обмену, научные конференции и конгрессы, книгообмен, но среди них не было крупных совместных проектов. При этом Комитет наук продолжал их инициировать. Одним из таких проектов мог стать монгольско-русский словарь, работа над которым была начата ещё в 1930-х годах в Институте востоковедения АН СССР в Ленинграде. Однако и это предложение на фоне общего ослабления интереса к монгольскому направлению не получило поддержки Президиума АН СССР. “Большой академический монгольско-русский словарь” (Т. 1–4) был издан в Москве только в 2001–2002 гг.

Обязательно следует сказать ещё об одном проекте, хотя и не связанном напрямую с Академией наук. Речь идёт о создании на основании соглашения, подписанного 26 марта 1956 г. в Москве представителями правительств 11 стран-учредителей, Объединённого института ядерных исследований (ОИЯИ) в Дубне. В числе стран-учредителей была и Монголия. Монгольские физики принимали участие в работе ОИЯИ с самого начала его деятельности. Около 30 из них защитили в Дубне докторские и кандидатские диссертации. Широко известным в научном сообществе стало имя академика Н. Соднома (1923–2002), в 1967–1973 гг. вице-директора ОИЯИ.

Новые формы и качественно другой уровень российско-монгольские научные связи приобрели после подписания в декабре 1960 г. нового соглашения о научном сотрудничестве между Академией наук СССР и Комитетом наук и высшего образования МНР (высшее образование в ответственность Комитета наук было включено в 1957 г. в ходе очередной реформы). Подписание этого документа стало завершающим событием визита делегации Комитета наук в Москву с целью консультации с Президиумом АН СССР о создании Академии наук Монголии [31]. Соглашение предусматривало координацию исследований по

различным научным проблемам, проведение совместных работ, взаимное участие в научных мероприятиях, установление связей научных учреждений, архивов и библиотек, оказание помощи в приобретении материалов, приборов, литературы и документов.

Делегацию монгольских учёных возглавлял председатель Комитета наук, один из авторитетнейших монгольских историков Б. Ширендыб, вскоре избранный первым президентом АН Монголии. Он внёс большой вклад в дальнейшее развитие и укрепление российско-монгольского научного сотрудничества, будучи его активным инициатором и участником.

Следующий год особенно примечателен в истории монгольской науки: 16 мая 1961 г. Указом Великого Народного Хурала была создана Академия наук МНР. Устав определял Академию наук как высшее научное учреждение республики. Её основная задача состояла в оказании помощи “развитию народного хозяйства и культуры путём внедрения достижений науки своей страны, Советского Союза и других братских социалистических стран” [цит. по: 7, с. 297]. За организационную модель национальной монгольской академии была взята Академия наук СССР. Выбор предопределялся тесным межгосударственным взаимодействием СССР и Монголии. Кроме того, именно советская модель академии, встроенная в государственную систему, финансируемая только государством, могла обеспечить мобилизацию научных сил на реализацию решений партийного и правительственного руководства страны.

Образование Академии наук МНР способствовало качественному изменению структуры научных кадров Монголии, значительному увеличению числа исследователей с учёными степенями, созданию новых научно-исследовательских институтов. Кроме академии научные исследования проводились также в отраслевых научных организациях и вузах. Это позволило на новом уровне продолжить развитие прежних форм российско-монгольского взаимодействия и создать новые, что нашло отражение в следующем соглашении о научном сотрудничестве между академиями наук СССР и Монголии 1967 г. В нём констатировалось, что “Академия наук СССР и Академия наук МНР будут осуществлять научное сотрудничество, основными формами которого будет совместное проведение исследований по общей методике и программе, в том числе экспедиций, взаимное командирование учёных, координация работ по важнейшим проблемам, представляющим взаимный интерес, оказание помощи в подготовке научных кадров, а также обмен научной литературой и информационно-справочными изданиями” [цит. по: 32, с. 115].

В рамках достигнутых договорённостей в качестве одной из форм сотрудничества, как оказалось, очень плодотворной, стали совместные советско/российско-монгольские экспедиции: биологическая, геологическая, палеонтологическая, историко-культурная, успешно проработавшие несколько десятилетий (от 20 до 50 и более лет в зависимости от направления исследований). Эти экспедиции хорошо известны, их история и деятельность освещены в жанрово разнообразных публикациях руководителей и участников. Перечислим их, чтобы в общих чертах отразить совместные работы двух академий наук.

Первой в 1967 г. была организована геологическая экспедиция, которая продолжила работу предшественников, в том числе Монгольской комиссии. Со стороны АН СССР ею руководил академик А.Н. Яншин. Экспедиция провела ряд научно-исследовательских работ по изучению геологического строения Монголии и выявлению условий формирования месторождений полезных ископаемых. Её участникам удалось составить и опубликовать общую тектоническую карту Монголии, карту мезозойской и кайнозойских структур, геологические карты отдельных регионов.

В 1969 г. была сформирована Совместная советско-монгольская палеонтологическая экспедиция (с 1991 г. Совместная российско-монгольская палеонтологическая экспедиция – СРМПЭ), работающая по сей день. Она стала самой масштабной в истории палеонтологических исследований. Первоначально в основу её научных программ легли результаты и материалы Монгольской экспедиции И.А. Ефремова. В дальнейшем экспедиция значительно расширила свои задачи и территорию работ. Сегодня СРМПЭ “изучает практически всю палеонтологическую историю Центральной Азии”, для чего проводит “планомерные маршрутные исследования и масштабные многолетние раскопки” [33]. Благодаря длительному сотрудничеству с нашими учёными Монголия – один из самых изученных в палеонтологическом отношении регионов мира, а монгольская палеонтологическая школа имеет высокий авторитет в мировом научном сообществе [30].

С 1970 г. продолжает свою деятельность Советско-Монгольская биологическая экспедиция, сегодня уже в статусе Российско-Монгольской комплексной экспедиции, созданной на базе Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН и Монгольской АН. Её сотрудники собрали обширные ботанические и зоологические коллекции, составили карты растительности и почв Монголии, разработали программу восстановления лесных ресурсов, рекомендации для различных отраслей сельского хозяйства страны. Новым исследовательским направлением экспе-

диции стало изучение экологических проблем Монголии и прилегающих территорий.

Начатые в 1948–1949 гг. Историко-этнографической экспедицией С.В. Киселёва исследования получили развитие в работах Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции (1969–1990). Её задача состояла в выявлении памятников монгольских древностей, изучении традиционной культуры, систематизации уже известных памятников для выяснения роли, которую они играли в истории Монголии, этногенетических процессов, происходивших на её территории и приведших в итоге к образованию современной монгольской нации.

В 1986 г. берёт своё начало Советско-Монгольская геофизическая экспедиция, которая в продолжение исследований Гоби-Алтайского землетрясения выполнила работы по комплексному изучению глубинного строения, современной геодинамики и сейсмичности территории Монголии.

Советско/российско-монгольские экспедиции стали “плодотворной платформой обмена научным опытом” [33] и прекрасной школой для молодых исследователей. Взаимными усилиями российских и монгольских учёных в ходе деятельности этих экспедиций были достигнуты научные результаты мирового уровня.

* * *

Век межгосударственного сотрудничества России и Монголии отмечен также тесными научными связями двух стран, которые на протяжении всего столетия носили содержательный, конструктивный и взаимовыгодный характер. Откликнувшись на просьбу Учёного комитета в начале 1920-х гг., российские специалисты оказали Монголии помощь в изучении природных богатств страны, её истории и культуры, формировании национальных научных кадров и институтов. В свою очередь сотрудничество с Учёным комитетом/Комитетом наук/Монгольской академией наук позволило нашим ученым реализовать свои исследовательские программы, результаты которых внесли существенный вклад в развитие целого ряда естественно-научных и гуманитарных направлений.

На современном этапе основные конфигурации российско-монгольского научного взаимодействия определяются договорами и соглашениями между Российской и Монгольской академиями наук, различными научно-исследовательскими институтами, университетами, а также совместными грантовыми программами, договором по сотрудничеству в области архивов и другими документами.

Научные контакты российских и монгольских учёных в силу международного характера науки стали надёжными звеньями межгосударственного общения. И сегодня они продолжают развиваться и расширяться, опираясь на позитивный опыт прошедших десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тугаринов А.Я.* Из поездки по Монголии // Природа. 1927. № 10. С. 802–808.
2. *Юсупова Т.И.* Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018.
3. Монгольско-российское научное сотрудничество: от Учёного комитета до Академии наук / Ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. Улан-Батор: Адмон, 2012.
4. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 1. Оп. 1а. Д. 169.
5. *Роцин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940). М.: ИВ РАН, 1999.
6. *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в.: Политические взаимоотношения в 1911–1946 г. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000.
7. Очерки истории и культуры МНР / Ред. Ц.-А. Дугар-Нимаев. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1971.
8. *Ширендыб Б.* Краткий очерк истории Академии наук МНР. Улан-Батор: Правительственная типография, 1981.
9. *Чулуун С., Тордалай Р.* Онходын Жамъян и Учёный комитет Монголии: от традиции к науке (1920–1930) // Монгольско-российское научное сотрудничество: от Учёного комитета до Академии наук / Ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. Улан-Батор: Адмон, 2012. С. 50–63.
10. *Юсупова Т.И.* Ц.Ж. Жамцарано – учёный секретарь Учёного комитета Монголии // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. № 4. С. 200–213.
11. *Сэрээтэр Ч., Цэрэв Х., Чадраа Б.* Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх. Улаанбаатар: Бемби сан, 2002.
12. *Батдорж Ч.* О работе трёх студентов в Учёном комитете Монголии (1923–1926) // Mongolica. 2019. № 2. С. 41–45.
13. *Бурдуков А.В.* В старой и новой Монголии. Воспоминания, письма / Отв. ред., предисл. И.Я. Златкин. М.: Главная редакция восточной литературы, 1969.
14. *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. М.: Главная редакция восточной литературы, 1982.
15. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1924. Д. 23. Л. 69–72.
16. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 10. Л. 66–110. Стенограмма заседания, 31 января 1925 г.
17. Предварительные отчёты геологической, геохимической и почвенно-географической экспедиций о работах, произведённых в 1925 г. // Северная Монголия. Вып. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1926.
18. Отчёт о деятельности Академии наук СССР за 1927 г. Ч. I. Общий отчёт. Л.: Изд-во АН СССР, 1928.
19. *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук СССР. История создания и деятельности (1925–1953 гг.). СПб.: Нестор-История, 2006.
20. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 33.
21. *Польнов Б.Б.* Предисловие // Предварительный отчёт почвенно-географической экспедиции в Северную Монголию в 1926 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 1–2.
22. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. I. 1921–1940 / Отв. ред. Ф.И. Долгих, Г. Цэрэндорж. М.: Международные отношения, 1975.
23. Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП – ВКП(б) – КПСС. 1922–1952 / Сост. В.Д. Есаков. М.: Роспэн, 2000.
24. СПбФ АРАН. Ф. 339. Оп. 1–1938. Д. 8.
25. *Роцин С.К.* Маршал Монголии Х. Чойбалсан. Штрихи биографии. М.: ИВ РАН, 2005.
26. *Чулуун С.* Лхамсурэн Дэндэв и Комитет наук (1932–1940): от государственной службы к служению науке // Монгольско-российские научные связи: от Учёного комитета до Академии наук / Ред.-сост. С. Чулуун, Т. Юсупова. Улан-Батор: Адмон, 2012. С. 9–31.
27. Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 1 / Ред. И.С. Казакевич. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1979.
28. *Юсупова Т.И.* “Очень важно для понимания всей эволюции животного мира...”. Организация Монгольской палеонтологической экспедиции под руководством И.А. Ефремова // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. № 1. С. 9–26.
29. Архив РАН. Ф. 642. Оп. 3. Д. 136.
30. *Розанов А.Ю., Рожнов С.В., Юсупова Т.И.* Крупнейшая из экспедиций в практике мировой палеонтологической науки: к 50-летию Совместной российско-монгольской палеонтологической экспедиции // Вестник РАН. 2020. № 8. С. 756–767.
31. *Юсупова Т.И.* Первый официальный визит монгольских учёных в Академию наук СССР и создание Академии наук МНР // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов. Доклады III Международной конференции. 20–22 апреля 2017 г. СПб.; Улан-Батор, 2019. С. 209–218.
32. *Киселёв И.Н.* Сотрудничество Академии наук СССР с академиями наук стран – членов СЭВ: 1957–1967. М.: Наука, 1974.
33. *Лопатин А.В.* 50 лет Совместной российско-монгольской палеонтологической экспедиции // Палеонтологический журнал. 2019. № 3. С. 3–14.